

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Д. Г. Савинов

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ И ҚИМАҚОВ В ІХ—Х вв.

Еще недавно конец I тысячелетия н. э. считался одним из малоизученных периодов в этнической истории народов северной части Центральной Азии и Южной Сибири. Об этом писали В. П. Васильев¹, В. В. Бартольд², Г. Е. Грумм-Гржимайло³, Л. Л. Викторова⁴ и другие исследователи — историки, археологи и востоковеды. В настоящее время положение существенно изменилось благодаря систематическому накоплению археологического материала в Туве, Минусинской котловине, Горном и степном Алтае. Несмотря на трудности этнической интерпретации археологических памятников, некоторые из них, при условии правильной расстановки в исторической перспективе, могут быть сопоставлены с данными письменных источников и тогда сами становятся полноправным историческим документом.

Известно, что в 840 г. енисейские кыргызы победили уйгуров, перешли через Западные Саяны и вышли на просторы Центральной Азии. Впервые народ северного происхождения, создавший высокую культуру в бассейне среднего Енисея, стал играть решающую роль в делах своих южных соседей. С падением Уйгурского каганата связаны два важнейших события в истории народов Южной Сибири — широкое расселение енисейских кыргызов, которых вслед за С. Е. Яхонтовым мы рассматриваем как «довольно большой (судя по размерам армии, превосходившей по численности войска уйгуров и киданей) народ, говорив-

¹ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII вв.— ТВОРАО. Т. 4. 1859, с. 12.

² В. В. Бартольд. Кыргызы. Исторический очерк.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 490.

³ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926, с. 349.

⁴ Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV—XII вв.— УЗ ЛГУ. 1958, с. 43.

ший на языке тюркской семьи»⁵, и, по-видимому, окончательное оформление кимако-кыпчакской этнокультурной общности.

Археологические памятники уйгуров (города и могильники) лучше всего исследованы в Туве. Один из авторов этих исследований, Л. Р. Кызласов, отметил глубокую, очевидно, принесенную из Северной Монголии и Забайкалья гуннскую традицию в материальном комплексе уйгурских погребений — форма, орнамент и технические приемы изготовления керамики; конструкция сложного лука⁶. Эти элементы для населения Южной Сибири были давно пройденным этапом. Местное тувинское население, скорее всего чики, обладало культурой древнетюркского облика⁷. Судя по концентрации уйгурских памятников, можно предполагать, что соседние с Тувой территории Горного Алтая, а также более западные районы в VIII—IX вв. не входили (или входили номинально) в состав Уйгурского каганата — здесь пока не найдены города, катакомбы, специфические каменные изваяния в головных уборах, с наборными поясами и сосудом в обеих руках, характерные главным образом для центральнотувинской котловины и считающиеся уйгурскими.

В Горном Алтае в это время наибольшее распространение получают погребения с конем, оставленные местными телескими племенами⁸, силами которых прежде древние тюрки «геройствовали в пустынях севера»⁹. Весьма заманчиво было бы отнести погребения с конем конкретно в Южном Алтае к племенам чеби — название, каким-то образом связанное с именем Чема-хана, который в середине VII в. «ушел на северную сторону Золотых гор (Алтая)»¹⁰ (как полагает Л. Н. Гумилев, через Сайлюгем¹¹), т. е. в Чуйскую степь, где находятся могильник Курай и другие наиболее известные погребения с конем.

А. А. Гаврилова и другие исследователи отмечают в алтайских материалах VIII—IX вв. много общих черт с одновременными памятниками енисейских кыргызов в Минусинской котловине: в обряде погребения, обычае помещать в могилу серебряные сосуды, самой форме этих сосудов и т. д.¹². Эти парал-

⁵ С. Е. Яхонтов. Древнейшие упоминания названия «киргиз». — СЭ. 1970, № 2, с. 120.

⁶ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд-во МГУ, 1969, с. 65—78.

⁷ Там же, с. 78—79.

⁸ Ю. И. Трифонов. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени. — Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 351—374.

⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М., 1950, с. 301.

¹⁰ Там же, с. 273.

¹¹ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, с. 229—231.

¹² А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 65—66.

лели, свидетельствующие об определенных этнокультурных связях между населением Алтая и Минусинской котловины в период господства в Центральной Азии уйгуров, как будто соответствуют сведениям письменных источников об антиуйгурской коалиции племен Саяно-Алтая, в частности о союзе енисейских кыргызов и алтайских карлуков, которые до середины VIII в. занимали территорию между Западным Алтаем и Тарбагатаем, а в 766 г. продвинулись в Семиречье¹³.

Государство енисейских кыргызов, сокрушившее Уйгурский каганат, с точки зрения своей социально-экономической структуры было полиэтническим образованием, получившим название по имени ведущего этноса. В *Тан-шу* говорится о кыргызах: «...когда набирают и отправляют войско, то выступает весь народ и все вассальные поколения»¹⁴. К этим вассальным поколениям относились «лыжные тукюе» (дубо, милигэ, эжди)¹⁵ и другие народы северных районов Саяно-Алтайского нагорья. О сложном этническом составе государства енисейских кыргызов свидетельствуют и археологические материалы. Очевидно, самостоятельной этнической общности принадлежат найденные в Минусинской котловине погребения с конем (Усть-Тесь, Капчалы II)¹⁶. По некоторым предметам сопроводительного инвентаря (деревянные фигурки баранов, обложенные золотым листком; зооморфные навершия псалий) можно предполагать также, что могильники Капчалы I (VII—VIII вв.) и Уйбатский чаа-тас (IX—X вв.) оставлены одной группой населения, а Копёнский чаа-тас (VIII—IX вв.), где нет этих предметов, — другой.

Территория государства енисейских кыргызов по материалам поселений и могильников восстанавливается следующим образом. Центр его находился, как известно, в Минусинской котловине. На востоке с кыргызами определенно связывается археологический материал с Нижней Иволги¹⁷ и инвентарь могилы 3 Хойцегорского могильника¹⁸. С. В. Киселев указывает на отдельные находки наконечников стрел кыргызского облика в Восточных Саянах¹⁹. Возможно, что влияние культуры енисейских кыргызов проникало и дальше на восток, до среднего

¹³ См.: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 35—40.

¹⁴ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 60.

¹⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений, с. 354.

¹⁶ Д. Г. Савинов. Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время.— Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 342—343.

¹⁷ Гос. Эрмитаж, колл. 2080.

¹⁸ Ю. Д. Талько-Грынцевич. Древние памятники Западного Забайкалья.— Труды XII Археологического съезда. М., 1902, рис. 60—61.

¹⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 577.

течения Амура. Только так можно объяснить значительную близость кыргызских материалов и материалов мохэ, которую Е. И. Деревянко рассматривает как результат культурных связей между мохэцами и древними тюрками в широком культурно-историческом значении последнего термина²⁰. Самые северные кыргызские памятники находятся около Красноярска (Ладейский комплекс)²¹. К западу от Минусинской котловины несколько «кыргызских ваз» найдено в Кемеровской области²². Южная граница до середины IX в. проходила по Западным Саянам. В Туве археологические памятники енисейских кыргызов IX—X вв. (подкурганые трупосожжения с характерным комплексом сопроводительного инвентаря, рунические надписи-эпитафии) в настоящее время известны, пожалуй, в большем количестве, чем во всех других местах, включая и метрополию енисейских кыргызов — Минусинскую котловину²³. Правда, они отличаются здесь некоторым своеобразием (почти полностью отсутствуют керамика, намогильные сооружения типа чаа-тавов), что объясняется не столько этнической, сколько их социальной спецификой: это погребения воинов. В Северной Монголии и Восточном Туркестане пребывание енисейских кыргызов зафиксировано главным образом данными письменных источников, хотя отсутствие соответствующих памятников здесь, по-видимому, следует отнести за счет слабой изученности этих районов в археологическом отношении.

Особый интерес представляет вопрос о западных границах распространения памятников енисейских кыргызов в IX—X вв. Отдельные предметы кыргызского облика, найденные в Горном Алтае, имеются в собраниях Н. С. Гуляева²⁴ и П. С. Уваровой²⁵, а также в материалах старых раскопок Ледебура на Чарыше²⁶. Несомненно связаны с кыргызами и те могилы в Яконуре, в которых найдены стремена, наконечники стрел и удила, типологически близкие кыргызским (К.1, м. Е—Ф; К.3, м. 1); в одном случае погребение было совершено по обряду трупосожжения (К.4)²⁷. Недавно еще одно погребение с трупосожжением было раскопано на могильнике Узунтал VIII (Кош-Агачский

²⁰ Е. И. Деревянко. Мохэские памятники среднего Амура. Новосибирск, 1975, с. 181—196, табл. LIII—LIV.

²¹ В. Г. Карцов. Описание коллекций и материалов Музея. Красноярск, 1929, с. 51.

²² Г. С. Мартынова. К вопросу о таштыкских жилищах.— Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск, 1974, с. 91.

²³ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, с. 97—108.

²⁴ Горно-Алтайский краеведческий музей, колл. 1.

²⁵ ГИМ, колл. 54321.

²⁶ А. П. Уманский. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае.— «Записки Горно-Алтайского НИИЯЛИ». Вып. 6. 1964, с. 35—52.

²⁷ М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае.— СГЭ. № 1. Л., 1940, с. 17—21. Материал в Гос. Эрмитаже, колл. 1554.

район Горно-Алтайской АО)²⁸. Далее к западу серии предметов кыргызского типа были получены еще при раскопках В. В. Радлова на Бухтарме²⁹. В последние годы чрезвычайно интересные погребения, очевидно принадлежавшие кыргызам или очень близким к ним по культуре племенам, были открыты в составе Зевакинского могильника на Иртыше. «По погребальному обряду,— пишет о них Ф. Х. Арсланова,— рассмотренные курганы близки к погребениям в Туве, относящимся к древним хакасам (кыргызам.— Д. С.). Не исключена возможность, что в некоторых курганах с трупосожжением были похоронены представители древнехакасского общества, вступившие в непосредственный контакт с аборигенами Верхнего Прииртышья»³⁰.

Таким образом, благодаря находкам последних лет памятники енисейских кыргызов в Минусинской котловине, Туве, Горном Алтае, Восточном Казахстане связываются в одну цепочку, и западные границы их распространения почти вплотную прилегают к восточным отрогам Тянь-Шаня. Это позволяет по новому взглянуть на немногочисленные пока вещи кыргызского облика, опубликованные А. Н. Бернштамом,— пряжки, детали поясных наборов, лировидные подвески с сердцевидной прорезью — и считать их также кыргызскими³¹. Дата лировидных подвесок здесь устанавливается находкой их на городище Ак-Бешим в одном слое с тюркешскими монетами VIII—IX вв. и, что очень интересно, псалями с головками горных козлов типа капчальских или уйбатских³². Если эти вещи сопоставимы, то, возможно, буддийский храм в Ак-Бешиме разрушили енисейские кыргызы, хотя, конечно, утверждать это с достаточной достоверностью нельзя. Во всяком случае, археологические материалы не противоречат гипотезе о широком расселении енисейских кыргызов в западном направлении именно в IX—X вв.

Картографирование всех археологических памятников, которые можно считать кыргызскими, показывает справедливость утверждения *Тан-шу* о том, что «Хягас было сильное государство; по пространству равнялось тукюеским владениям. На восток простиралось до Гулигани (Прибайкалье.— Д. С.), на юг до Тибета (в данном случае — Восточный Туркестан.— Д. С.),

²⁸ Д. Г. Савинов. Раскопки в Горном Алтае.— Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 235—236.

²⁹ ГИМ, колл. 54660.

³⁰ Ф. Х. Арсланова. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье.— Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972, с. 56—76.

³¹ Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Под ред. А. Н. Бернштама. М.—Л., 1950 (МИА. № 14), табл. XLIV и сл.

³² Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. М., 1959, с. 115—242, рис. 44—45.

на юго-запад до Гэлолу (территория между Алтаем и Тарбагатаем.— Д. С.)»³³.

Западными соседями енисейских кыргызов многие авторы арабских сочинений и дорожников называют кимаков, создавших в IX—X вв. свое государство на территории Казахстана и прилегающих к нему областей Западной и Южной Сибири³⁴. Так же как и государство енисейских кыргызов, оно было сложным полиэтническим образованием и состояло из семи племен; наиболее крупными среди них были има́к (йемек), ими (эймюр), байандур, татар и кыпчак³⁵. Основным в кимакской федерации было тюркоязычное племя яньмо, очевидно одно из телеских племен, родственное чеби³⁶, которых обычно отождествляют с йемеками³⁷, по мнению Б. Е. Кумекова давшими название всему объединению — кимак. По данным письменных источников, территория расселения кимако-кыпчакских племен распространялась «приблизительно от юго-восточной части Южного Урала до Приаральских степей на западе, с земель Центрального Казахстана до северного Прибалхашья, включая часть территории северо-восточного Семиречья на юге, от Западного Алтая до Кулундинской степи на востоке и до лесостепной полосы на севере»³⁸. Центр государства кимаков находился на Иртыше, куда из Средней Азии вели караванные пути, описанные в сочинениях Ибн Бахра, ал-Идриси и Гардизи³⁹. Наиболее определенно в этом отношении сообщение Гардизи: «...приходят к реке Иртыш, где начинается страна кимаков... Переправившись через реку Иртыш, приходят к шатрам кимаков... В этой стране выпадает много снега; бывает, что толщина снежного покрова в степи достигает высоты копыя. Зимой они уводят лошадей в отдаленную страну, в место Ок-Таг (очевидно, Монгольский Алтай.— Д. С.)»⁴⁰.

³³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений, с. 354. Пояснения в скобках даны в соответствии с примечаниями на с. 347, 354.

³⁴ О. Караев. Арабские и персидские источники IX—X вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968; Б. Е. Кумек о в. Государство кимаков по арабским источникам. А.-А., 1972.

³⁵ Б. Е. Кумек о в. Государство кимаков, с. 32—40.

³⁶ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, с. 272.

³⁷ Ю. А. Зуев. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо).— Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. А.-А., 1962 (Тр. ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова. Т. 15), с. 117—122; Б. Е. Кумек о в. Государство кимаков, с. 39—41.

³⁸ Б. Е. Кумек о в. Государство кимаков, с. 58.

³⁹ С. М. Ахинжанов. Древние караванные пути кимаков.— «Материалы I научной конференции молодых ученых АН Казахской ССР». А.-А., 1968, с. 429—430; Б. Е. Кумек о в. Государство кимаков, с. 48—53.

⁴⁰ В. В. Бартольд. <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ах-бър*>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.».— Сочинения. Т. 8. М., 1973, с. 45.

На предполагаемой территории расселения кимакских племен памятники IX—X вв. лучше всего изучены в Восточном Казахстане, и кимакская принадлежность их здесь ни у кого из исследователей сомнения не вызывает⁴¹. Это позволяет использовать восточноказахстанские материалы при определении этнической принадлежности памятников того же времени других районов, так как ясно, что область расселения кимаков (в широком понимании этнонима) не ограничивалась Восточным Казахстаном.

Наибольший интерес в этом отношении представляют памятники сросткинской культуры IX—X вв., получившие название по известному Сросткинскому могильнику около г. Бийска. Честь открытия, определения хронологии и культурной принадлежности памятников сросткинской культуры принадлежит М. П. Грязнову. В 1930 г., собрав все известные к тому времени памятники типа Сросткинского могильника, М. П. Грязнов отметил, что в данном случае «мы имеем дело с культурой кочевников, очень сходной с культурой предшествующей эпохи». В сводной хронологической таблице вещи из Сросткинского могильника составили «III стадию железной культуры на Алтае»⁴². В работе 1950 г. эти же материалы фигурируют под названием «памятников сросткинского типа»⁴³, а в работе 1951 г.—сросткинской культуры IX—X вв.⁴⁴. Обоснование этой датировки М. П. Грязнов дает на материале своих раскопок на Большой Речке (1956 г.)⁴⁵, а в 1960 г. он выделяет четыре локальных варианта сросткинской культуры: бийский, барнаульско-каменский, новосибирский и кемеровский. Эти районы, по мнению М. П. Грязнова, «соответствовали четырем племенным территориям»⁴⁶. Позднее А. А. Гаврилова объединила памятники сросткинской культуры в группу «могил сросткинского типа»

⁴¹ С. С. Черников. К изучению древней истории Восточного Казахстана.—КСИИМК. Вып. 69. 1957, с. 19—20; Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года.—«Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 7. А.-А., 1959, с. 32—58; Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).—Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968, с. 98—111; Ф. Х. Арсланова, С. Г. Кляшторный. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья.—Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с. 306—315.

⁴² М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая.—«Сибириеведение». Новосибирск, 1930, № 3—4, с. 18—26.

⁴³ М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950, с. 15.

⁴⁴ М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселка.—КСИИМК. Вып. 11. 1951, с. 112.

⁴⁵ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби.—МИА. № 48. 1956, с. 151.

⁴⁶ М. П. Грязнов. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС.—Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, с. 24.

VIII—X вв., распространенных, по ее мнению, от Забайкалья на востоке до Барабинской степи на западе и от Новосибирской области на севере до Тувы и Горного Алтая на юге. «Расположенные на весьма широкой территории,— отмечает А. А. Гаврилова,— вещи сrostкинских типов говорят о распространении этой культуры у различных племен с разным обрядом погребений»⁴⁷.

Вопрос об этнической принадлежности сrostкинской культуры решался в литературе по-разному. Первый исследователь этой культуры, М. П. Грязнов, писал, что «сrostкинская культура на Алтае представляет собой продукт местного развития и что примерно в VIII в. население с этой культурой распространилось на север по лесостепным районам Оби»⁴⁸. А. А. Гаврилова, наоборот, считает, что «эта культура сложилась вне Алтая. Распространение этой культуры связано, видимо, с политическими переменами — господством в степи, в том числе и на Алтае, уйгурских племен, нанесших поражение восточным тюркам в 745 г., а затем кыргызских, разгромивших уйгуров в 840 г.»⁴⁹. Позднее А. А. Гаврилова определенно высказалась за уйгурскую принадлежность сrostкинских памятников на Северном Алтае⁵⁰. В некоторых других работах, посвященных конкретным сrostкинским памятникам, подчеркивается древнетюркская основа этой культуры⁵¹.

Наибольшее количество параллелей прослеживается между материалами восточноказахстанских и североалтайских (сrostкинских) памятников. Не считая общераспространенных для этого времени типов предметов, в них присутствует и ряд специфических форм — костяные изогнутые псалми с «сапожком», костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, изображения всадников с «нимбом», подвески в виде птиц и рыб, копоушки, длинные ременные наконечники, двусоставные застёжки, различного рода украшения, выполненные в ажурном стиле с мотивами растительного орнамента, изображения птиц, стоящих друг против друга, и т. д. Такое сходство предметов сопроводительного инвентаря может рассматриваться только как свиде-

⁴⁷ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, с. 66—72.

⁴⁸ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби, с. 151.

⁴⁹ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, с. 70—72.

⁵⁰ А. А. Гаврилова. Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае).— «Древняя Сибирь». Вып. 4. Новосибирск, 1974, с. 177—183.

⁵¹ А. П. Уманский. Археологические памятники у с. Иня.— «Известия Алтайского отдела ВГО СССР». Вып. 2. Барнаул, 1970, с. 72; М. Г. Елькин. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур.— «Изв. Лаборатории археологических исследований». Вып. 2. Кемерово, 1970, с. 92.

тельство принадлежности погребений, в которых они были найдены, к одной археологической культуре.

Этому не противоречат и данные об особенностях погребального обряда, отмеченные в североалтайских и восточноказахстанских памятниках. Для них одинаково характерны восточная (с отклонениями к северу) ориентировка погребенных и подкурганные захоронения, одиночные и с конем. В Восточном Казахстане в основном преобладают погребения с конем, типологически близкие к горно-алтайским. Объясняется это, по-видимому, тем, что генетически те и другие одинаково восходили к телеским племенам, хоронившим своих покойников в сопровождении коня. В более северных районах широко распространяются одиночные грунтовые захоронения и коллективные усыпальницы с несколькими могильными ямами под одной курганной насыпью. Иногда в них сочетаются обряды трупоположения и трупосожжения в пределах одного комплекса. В Восточном Казахстане примером такого погребения может служить курган 146 Зевакинского могильника, где под одной насыпью располагались четыре могильные ямы⁵². На Северном Алтае в могильнике у с. Иня находилось до трех⁵³, на Большой Речке — до пяти⁵⁴, а в кургане 30 могильника Ур-Бедари — десять могильных ям с различными особенностями погребального обряда⁵⁵. Сравнение инвентаря этих памятников со сроткинским инвентарем из Восточного Казахстана и Северного Алтая показывает как общие закономерности погребального ритуала у обитавшего здесь населения, так и его региональные отличия, что свидетельствует о полиэтническом характере культуры.

Близость сроткинской культуры и культуры кимаков косвенным образом подтверждается и данными палеоэтнографии. Предполагаемый культурно-хозяйственный тип населения сроткинской культуры можно определить как сочетание полуседлого скотоводства, промыслового охотничье-рыболовного хозяйства и земледелия, которое носило подсобный характер⁵⁶. Аналогичные формы хозяйства кимаков устанавливаются данными письменных источников. По Гардизи, например, кимаки «все владеют стадами коров и баранов... Предметы охоты кимаков — соболи и горностаи»⁵⁷. Анонимный автор труда *Худуд ал-‘Алам* сообщает, что «жители ее (страны кимаков.— Д. С.) селятся в шатрах и кочуют в поисках сухой травы, воды и зеленых лугов

⁵² Ф. Х. Арсланова, С. Г. Кляшторный. Руническая надпись на зеркале, с. 306—308.

⁵³ А. П. Уманский. Археологические памятники у с. Иня, с. 45—62.

⁵⁴ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби, с. 145—150.

⁵⁵ М. Г. Елькин. Курганный могильник, с. 81—92.

⁵⁶ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби, с. 151—152.

⁵⁷ В. В. Бартольд. <Извлечение из сочинения Гардизи>, с. 45.

летом и зимой. Статьями их дохода являются соболь и овцы»⁵⁸. Наряду с этим в других источниках указывается, что «их жилище среди зарослей и густых лесов», «они питаются рисом, мясом и рыбой. Рыбы у них много», и т. д.⁵⁹.

Предполагаемая идентификация сrostкинской культуры и культуры исторических кимаков позволяет использовать данные о распространении памятников этой культуры для решения некоторых вопросов этнографии государства кимаков в IX—X вв. Памятники сrostкинской культуры начинаются от верховий Иртыша, тянутся вдоль Западного Алтая и затем широко располагаются в приобских степях, т. е., если иметь в виду Алтайскую горную систему в целом, занимают западные и северные ее предгорья с прилегающими лесостепными районами (ср. сообщение Гардизи о том, что кимаки «живут в лесах, ущельях и степях»⁶⁰). Крайним восточным пунктом распространения памятников сrostкинской культуры является могильник Ур-Бедари в западных отрогах Кузнецкого Алатау⁶¹, служившего, очевидно, этническим барьером между кимаками и енисейскими кыргызами в этой части Саяно-Алтая. Интересно, что в письменных источниках кимаки неоднократно называются в качестве не только западных, но и северных соседей кыргызов⁶². Именно в это время енисейские кыргызы включили в состав своего государства Туву и Горный Алтай и стали непосредственными соседями кимаков на Иртыше. В таком случае наиболее вероятным местом, где кимаки могли оказаться севернее кыргызов, мог быть только Северный Алтай, где и находится подавляющее количество сrostкинских памятников. Возможность пребывания кимаков на Алтае еще раньше допускали некоторые исследователи. Так, В. В. Радлов писал о том, что «северную часть киргизской степи и самый Алтай занимали, вероятно, кеймаки»⁶³. «В сочинениях восточных авторов,— отмечает Л. П. Потапов,— кимако-кыпчакские племена выступают как жители долины Иртыша и западно-сибирских степей. Они, конечно, обитали в горах Алтая, особенно Западного»⁶⁴.

Промежуточное положение между восточноказахстанскими и североалтайскими памятниками занимают погребения, исследованные в Алейской степи на Западном Алтае. В этническом отношении, по заключению В. А. Могильникова, это была «од-

⁵⁸ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973, с. 44.

⁵⁹ Б. Е. Кумекоев. Государство кимаков, с. 92—94.

⁶⁰ В. В. Бартольд. <Извлечение из сочинения Гардизи>, с. 45.

⁶¹ М. Г. Елькин. Курганный могильник, с. 81—92.

⁶² Б. Е. Кумекоев. Государство кимаков, с. 55—56; О. Караев. Арабские и персидские источники, с. 30—60.

⁶³ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, с. 119.

⁶⁴ Л. П. Потапов. Очерк этногенеза южных алтайцев.—СЭ. 1952, № 3, с. 32.

на из групп тюркских племен, в культурно-этническом отношении близкая, хотя и не тождественная полностью, восточноказахстанским кимакам»⁶⁵. На севере несомненно сrostкинский компонент имеется в раннем комплексе Басандайки (г. Томск)⁶⁶. В среднем Прииртышье близок к сrostкинской культуре курган у дер. Соляное. По мнению авторов раскопок, «эти курганы характеризуют погребальные традиции кочевников-кимаков»⁶⁷. Открытые около г. Ишима погребения Пахомовского могильника сызвенской культуры отличаются от сrostкинских как по обряду захоронения, так и по составу сопроводительного инвентаря⁶⁸. Видимо, где-то здесь проходила граница между тюркоязычными кимаками и более северными этнолингвистическими группами. На западе отдельные памятники сrostкинской культуры доходят до Барабинской степи (Усть-Таргасский могильник)⁶⁹ и даже до Челябинской области (Синеглазово)⁷⁰. О продвижении кимаков на юг свидетельствуют отдельные находки вещей сrostкинского типа, в частности «У»-образных бляшек в Семиречье⁷¹. В целом область распространения памятников сrostкинской культуры соответствует территории расселения кимако-кыпчакских племен по данным письменных источников. Вместе с тем археологические материалы вносят определенные коррективы в представления об этногеографии кимаков в IX—X вв. Очевидно, кимаками следует считать достаточно густо населенные, судя по концентрации памятников, районы Северного и Западного Алтая, а к выделенным М. П. Грязновым локальным вариантам сrostкинской культуры добавить восточноказахстанский и западноалтайский ареалы.

Одновременно из памятников «сrostкинского типа», приведенных А. А. Гавриловой, надлежит исключить забайкальские и тувинские материалы, которые, скорее всего, относятся к культуре енисейских кыргызов. Вызывает также сомнение выделение горно-алтайского варианта сrostкинской культуры. Многочисленные параллели с курганом 2 Копёнского чаа-таса, дата которого убедительно определена Б. И. Маршаком — не ранее

⁶⁵ В. А. Могильников. Археологические исследования на верхнем Алее.— Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972, с. 42.

⁶⁶ «Басандайка». Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947, с. 187 и сл.

⁶⁷ В. Ф. Генинг и др. Памятники железного века в Омском Прииртышье.— Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 225.

⁶⁸ В. Ф. Генинг, Б. Б. Овчинникова. Пахомовский могильник.— Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск, 1969, с. 136—137.

⁶⁹ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 71, 1896 г.; Материал в ГИМ, колл. 36848.

⁷⁰ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 219, 1904 г.

⁷¹ А. Г. Максимова. Средневековые погребения Семиречья.— Новое в археологии Казахстана. А.-А., 1968, с. 146—158, табл. III.

середины IX в., позволяют синхронизировать курайские и копенские материалы⁷². Погребения VIII—IX вв. в других местах Горного Алтая, по составу сопроводительного инвентаря мало похожие на сrostкинские (Катанда II, к. 2 и др.)⁷³, относятся к той же культуре, что и Курай. По некоторым общим формам предметов памятники на Северном Алтае действительно трудно отличить от горно-алтайских, но объясняется это не столько их генетической преемственностью, сколько сосуществованием.

Вопрос о сложении сrostкинской культуры пока так же неясен, как и вопрос о ранних этапах этнической истории кимаков. Несомненно, что определенную роль в обоих случаях сыграли уйгуры. Известно, что после 840 г. уйгуры, по выражению письменных источников, «рассеялись». При этом «третье колено» поселилось в лесах на Иртыше, не разводило скот, а занималось рыболовством и охотой...»⁷⁴. Б. Е. Кумекоев связывает с распадением Уйгурского каганата появление в составе государства кимаков племен эймюр, байандур и татар, в результате чего «происходит сложение кимакской федерации в том составе, который приводит Гардизи»⁷⁵. У Мас'уди упоминается этноним кимако-югур, который можно рассматривать как уйгурский компонент в этнокультурной общности кимаков⁷⁶. Эти факты нельзя не сопоставить с некоторыми археологическими наблюдениями. А. А. Гаврилова была совершенно права, указывая аналогии сrostкинскому поясу на уйгурских росписях Турфана⁷⁷. К этому можно добавить сходство ланцетовидных и трехперых наконечников стрел, средних накладок лука с расширенными концами из уйгурских катакомб в Туве и кимакских погребений в Восточном Казахстане, а также находки обломков «уйгурских ваз» на Иртыше, уже отмеченные Л. Р. Кызласовым⁷⁸.

Можно наметить определенную преемственность между основными событиями в истории народов Саяно-Алтая в конце I тысячелетия н. э.: победа енисейских кыргызов над уйгурами привела к широкому расселению тех и других; некоторые племена, прежде входившие в Уйгурский каганат, вошли в состав кимакской федерации. Это привело к окончательному оформлению кимако-кыпчакской общности. В результате на севере Центральной Азии сложились два крупных этнополитических объединения — енисейских кыргызов и кимаков — с общей гра-

⁷² Б. И. Маршак. Согдийское серебро. М., 1971, с. 54—58.

⁷³ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, рис. 9, 10.

⁷⁴ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах, с. 55.

⁷⁵ Б. Е. Кумекоев. Государство кимаков, с. 114.

⁷⁶ Там же, с. 39.

⁷⁷ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, с. 72.

⁷⁸ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, с. 74—76.

ницей на Иртыше. Последнее обстоятельство важно в источниковедческом отношении: сведения арабских авторов о кимаках дополняются данными китайских хроник о кыргызах и тем самым территория Южной Сибири оказывается заключенной между двумя центрами древнейшей письменной историографии.

Вопрос о характере взаимоотношений между енисейскими кыргызами и кимаками практически остается неисследованным. Единственная работа по этому поводу, очень интересная с точки зрения постановки проблемы, принадлежит К. И. Петрову⁷⁹. Известно, что из столицы кимаков на Иртыше в ставку кыргызского кагана на Енисее шел торговый путь, однако, замечает В. В. Бартольд, «был ли торговый путь из страны кимаков в страну киргизов как продолжение пути из областей ислама к кимакам и каковы вообще были отношения между этими двумя народами, совершенно неизвестно»⁸⁰. В Среднюю Азию «главным предметом ввоза от этих обоих народов был мускус»⁸¹, а также предметы пушного промысла, которые кыргызы и кимаки, скорее всего, собирали в качестве дани с подвластных им племен.

Уже многим исследователям бросалось в глаза сходство между основными формами предметов сопроводительного инвентаря из погребений типа сросткинских и погребений енисейских кыргызов. Первым это отметил С. В. Киселев, который писал, что «уздечные и поясные наборы Тюхтятского клада совершенно аналогичны украшениям, обнаруженным в погребениях IX—X вв. сросткинских курганов Северного Алтая... Очевидно, в IX—X вв. по всему Саяно-Алтайскому нагорью распространяется новая мода на вещи тюхтятско-сросткинских типов»⁸². Идея, высказанная С. В. Киселевым, была поддержана другими исследователями. Так, К. И. Петров пишет, что «инвентарь погребений в известном кургане (?) близ с. Сростки на реке Катунь, будучи связан с древними местными алтайскими традициями, резко отличающимися от приенисейских, вместе с тем имеет ряд характерных черт более развитой материальной культуры енисейских кыргызов»⁸³. Влияние культуры енисейских кыргызов отразилось на декоративном оформлении горно-алтайских, в частности курайских, предметных серий. «Не менее ярко,— по заключению Т. Н. Троицкой,— прослеживается в это

⁷⁹ К. И. Петров. Киргизско-кыпчакские отношения.— ИАН КиргССР. Т. 3. Вып. 2. 1961, с. 81—105.

⁸⁰ В. В. Бартольд. Киргизы, с. 493.

⁸¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 242.

⁸² С. В. Киселев. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, с. 56.

⁸³ К. И. Петров. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963, с. 50.

время влияние культуры кыргызов и, возможно, проникновение их на берега Оби»⁸⁴. В Восточном Казахстане кимацкие и кыргызские погребения IX—X вв. расположены не только на одной территории, но и в пределах одних и тех же могильников⁸⁵. Публикуя материалы Бобровского могильника, Ф. Х. Арсланова отмечала, что «единство форм и основных элементов орнамента на бобровских подвесках и сросткинских бляхах, а также близость к орнаменту на предметах енисейских кыргызов позволяют говорить о происшедшем, по-видимому, взаимовлиянии этих племен»⁸⁶. По мнению Ф. Х. Арслановой, «они являются отражением политических связей кимако-кыпчакских племен с отдельными племенами древнеказахского государства»⁸⁷.

Вопрос о характере связей между племенами, входившими в состав государственных объединений енисейских кыргызов и кимаков, можно рассматривать в нескольких связанных между собой аспектах: по линии погребального обряда, общности форм предметов сопроводительного инвентаря и совпадения некоторых черт этнографического облика населения, отмеченных письменными источниками.

Известно, что в курганах Копёнского и Уйбатского чаа-тасов — классических примерах кыргызского трупосожжения — были найдены отдельные кости людей и животных⁸⁸. Под одной насыпью здесь находилось несколько захоронений (в Копёнах — от одного до трех) со смешанным обрядом захоронения. В большинстве могил были найдены человеческие кости, которые могут быть только остатками трупоположений. При этом А. А. Гаврилова убедительно показала, что так называемые «тайники» на самом деле являются сопроводительным инвентарем погребений с трупосожжениями: вещи из «тайников», как правило, побывали в огне погребального костра, в Копёнах найдены горшочки с остатками трупосожжений, а в кургане 6 остатки сожжения находились на каменной плитке, покрывавшей «тайник»⁸⁹. Такое сочетание различных норм погребального обряда в пре-

⁸⁴ Т. Н. Троицкая. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н. э.— Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 183—185.

⁸⁵ Ф. Х. Арсланова. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане.— Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. А.-А., 1969, с. 47—48; она же. Курганы с трупосожжением, с. 56—76.

⁸⁶ Ф. Х. Арсланова. Бобровский могильник.— ИАН КазССР. Вып. 4, 1963, с. 80.

⁸⁷ Ф. Х. Арсланова. Курганы с трупосожжением, с. 76.

⁸⁸ Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Енисее.— «Труды ГИМ». Вып. 8. 1939, с. 118—120; Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев. Чаа-тас у с. Копёны.— «Труды ГИМ». Вып. 11. 1940, с. 21—54.

⁸⁹ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, с. 65—66.

делах одного комплекса становится понятным при сравнении с памятниками сrostкинской культуры, где оно является обычным, особенно в северных районах ее распространения.

Для культуры енисейских кыргызов IX—X вв. наиболее характерны стремена с петельчатой дужкой и прорезной подножкой, витые удила с «8»-образными окончаниями звеньев, расположенными в разных плоскостях с «S»-образными псалиями. В наборе наконечников стрел иногда встречаются плоские ромбические, чаще трехперые с пирамидально оформленной верхней частью наконечники с прорезями в лопастях. Из украшений следует отметить тройники круглые и «Т»-образные с вырезными лопастями, высокие накладные бляхи, лировидные подвески с сердцевидной прорезью, зажимы для кистей, сердцевидные подвески с колокольчиком-личинкой посередине и т. д. Большинство предметов из кыргызских погребений имеет развитую систему растительной орнаментации. В общем этот же набор предметов повторяется и в сrostкинских памятниках по всей территории их распространения, но в несколько ином оформлении. Здесь преобладают плоские ромбические наконечники стрел; трехперые с пирамидально оформленной верхней частью также встречаются, но в отличие от кыргызских они не имеют прорезей в лопастях. Стремена с петельчатой дужкой более массивны. Сrostкинские удила употреблялись с костяными псалиями, представляющими вариант «S»-образных, но внешние кольца удил здесь чаще расположены в одной плоскости, а не в перпендикулярных, как у енисейских кыргызов. У сrostкинских сердцевидных подвесок с колокольчиком-личинкой край волнистый, поле вокруг личины гладкое, а орнамент в виде трилистников располагается только по краю. Кыргызские сердцевидные подвески с личинами крупнее, преимущественно с ровным краем и сплошь покрыты растительным орнаментом. Тройники в сrostкинских памятниках также «Т»-образные, но в отличие от кыргызских — плоские. Лировидные подвески встречаются редко и имеют не сердцевидные, а круглые прорези. Наряду с растительным орнаментом часто используются мотивы геометрического орнамента и т. д. Приведенных примеров достаточно, чтобы говорить о том, что, несмотря на особенности оформления отдельных предметов сопроводительного инвентаря, материальный комплекс культуры енисейских кыргызов и сrostкинской культуры существенно не отличаются друг от друга. Варьируют в основном элементы декоративного порядка, при одинаковом или близком конструктивном решении предметов. В известной степени можно говорить о двух вариантах культуры IX—X вв. в Южной Сибири — кыргызском и сrostкинском, развивающихся параллельно и в несомненном взаимодействии (см. табл.).

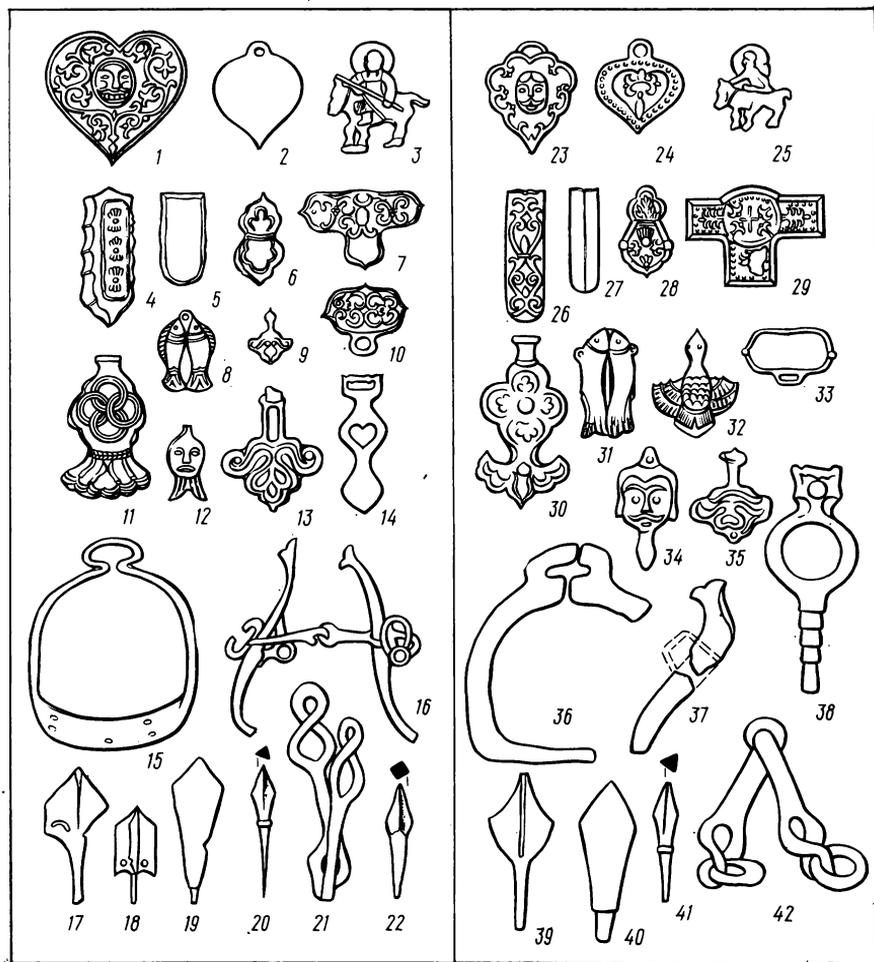

Таблица. Некоторые общие типы предметов культуры IX—X вв. 1—22—кыргызский вариант, 23—42—сросткинский вариант. 1, 3, 4, 8, 12, 13—Минусинский Музей (по Д. А. Клеменцу); 9—Минусинский Музей (по В. П. Левашовой); 2, 5, 16—Капчалы I (по Л. А. Евтюховой); 6—Ладейское (Красноярский Музей, coll. 175); 7, 10, 11, 17, 19, 20, 22—Тора-Гал-Арты (по Л. Г. Нечаевой); 14, 15—Шанчиг (по Л. Р. Кызласову); 18—ст. Минусинск (по Р. В. Николаеву); 21—Элегест (по Л. Р. Кызласову); 24—Усть-Большая Речка (Бийский Музей, coll. 843); 23, 25—29, 33, 34, 36, 37, 39, 42—Сросткинский могильник (23, 28, 29, 34—Бийский Музей, coll. 849; 25—по А. Захарову и В. Арендту; 26, 27, 33, 36, 37, 39, 42—по А. А. Гавриловой); 30—Ур-Бедари (по М. Г. Елькину); 31, 32—вещи, найденные «между Обью и Иртышом» (по Г. Ф. Миллеру); 35—Басандайка; 38—Орловский могильник (по Ф. Х. Арслановой); 40, 41—Иня (по А. Кузнецовой).

В конце X в. сrostкинская культура заканчивает свое существование. Одновременно со страниц письменной истории исчезает имя кимаков как названия государственного объединения. С отпадением кыпчакского ареала кимакский союз распался на несколько самостоятельных областей — Андар аз кыфчак, Иясун-йасу, Кыркырман⁹⁰. Из них Андар аз кыфчак — «область кимаков, где жители напоминают гузов некоторыми своими обычаями», а Кыркырман — «еще одна область, принадлежавшая кимакам, и жители ее напоминают по своим обычаям хырхызов»⁹¹. По мнению Б. Е. Кумекова, Кыркырман — это район, который «находился гораздо ближе к каким-то группам кыргызов, чем к другим тюркским племенам»⁹². К. И. Петров помещает эту область «на границе с владениями енисейских киргиз — примерно в верховьях Оби, при слиянии Бии и Катунн», а местное население называет приобскими или «периферийными кыргызами»⁹³. По Рашид ад-дину, урасуты, теленгугы и куштеми «обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов», а затем оказываются «по ту сторону киргизов на расстоянии одного месяца пути»⁹⁴, вероятно, от места своего первоначального обитания. О племени кесим (те же куштеми) в другом источнике говорится, что «это один из хырхызских народов, их речь ближе халусской, а по одежде они напоминают кимаков»⁹⁵. Сообщения о том, что жители кимакской области Кыркырман по своим обычаям близки к енисейским кыргызам, а подчиненные енисейским кыргызам куштеми по одежде напоминают кимаков, можно рассматривать как свидетельство определенных ассимилятивных процессов, происходивших в Южной Сибири на рубеже I и II тысячелетий н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
 ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
 Изв. СО АН — Известия Сибирского отделения АН СССР
 НКИСДВ — Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 Тр. ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии

⁹⁰ Б. Е. Кумеков. Государство кимаков, с. 65—66.

⁹¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии, с. 44.

⁹² Б. Е. Кумеков. Государство кимаков, с. 66.

⁹³ К. И. Петров. Очерк происхождения киргизского народа, с. 50, 64.

⁹⁴ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952, с. 123.

⁹⁵ Материалы по истории киргизов и Киргизии, с. 42.